

**«САМ-ТО НЕ ЗНАЕШЬ, КАК К ЭТОМУ ОТНОСИТЬСЯ»:
ФРЕЙМЫ, СЮЖЕТЫ И СЦЕНАРИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ
НАРРАТИВОВ СУРРОГАТНЫХ МАТЕРЕЙ**

Наталья Борисовна Граматчикова

Центр истории литературы Института истории и археологии УрО РАН
16 ул. С. Ковалевской, Екатеринбург, Россия
n.gramatchikova@gmail.com

Ирина Геннадьевна Полякова

Уральский межрегиональный институт общественных наук
Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
51 пр. Ленина, Екатеринбург, Россия
irinapolykova@yandex.ru

Аннотация: Статья построена на материалах восьми интервью с суррогатными матерями (12 детей, рожденных по программе суррогатного материнства), полученных авторами в 2023 г. Качественный анализ интервью позволяет проследить места смены фреймов, а также активную роль информанток во фреймировании собственной жизненной ситуации. Задачи статьи состоят в том, чтобы описать основной репертуар автобиографических сюжетов, в которые вписывается личный опыт суррогатного материнства, а также выявить наиболее чувствительные темы и те средства, которыми пользуются суррогатные матери в нарративах, чтобы снизить собственную уязвимость. К таким темам относятся общение с «ближним» и «дальним» кругами посвященных, определение принадлежности рожденного ребенка и своего места в его появлении на свет, восприятие биологических родителей и характер общения с ними. Изучение этой сферы социальных взаимодействий помогает формированию дискурса, посвященного разнообразным методам репродуктивных технологий. В нем, по нашим наблюдениям, заинтересованы участники подобных программ. В разговоре с интервьюером женщины демонстрируют хорошее владение собой и умелое распределение ограниченных ресурсов, подчеркивают деловой характер отношений с биологическими родителями, контроль над собственной эмоциональной сферой. Особый интерес представляет то, каким образом участники развивающихся медицинских практик адаптируются к нетолерантности среды и постепенно меняют ее. В целом же при всей своей этической уязвимости ситуация суррогатного материнства представляет возможность выйти на новый уровень «автобиографической компетентности» — это опыт, доступный немногим, и он заведомо наделяет своего носителя чертами исключительности.

Ключевые слова: суррогатное материнство, интервью, автобиография, уязвимость, фреймы, сценарии.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035 <<https://rscf.ru/project/23-28-01035/>>.

Для ссылок: Граматчикова Н., Полякова И. «Сам-то не знаешь, как к этому относиться»: фреймы, сюжеты и сценарии автобиографических нарративов суррогатных матерей // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 227–247.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-227-247

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/064/gramatchikova_polyakova.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 64

**“YOU YOURSELF DON’T KNOW HOW TO FEEL ABOUT IT”:
FRAMES, PLOTS AND SCENARIOS OF SURROGATE
MOTHERS’ AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES**

Natalya Gramatchikova

Centre for Literary History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
16 S. Kovalevskoy Str., Yekaterinburg, Russia
n.gramatchikova@gmail.com

Irina Polyakova

Ural Centre for Advanced Studies (UCASE), Institute for the Humanities, Ural Federal University
51 Lenina Ave., Yekaterinburg, Russia
irinapolykova@yandex.ru

Abstract: The article is based on material from eight interviews with surrogate mothers (12 children born within the surrogacy programme), received by the authors of the article in 2023. The outline structure of the interviews includes the family history of the informants, their current marital status, motivation for participation in the surrogacy programme and assessment of the experience gained. An analysis of the interviews helps to define the places where frames shift, as well as the active rôle of the informants in framing their own life situation. The article aims to describe the main repertoire of autobiographical stories that encompass personal experience of surrogate motherhood, and to identify the most sensitive topics and the narrative means that surrogate mothers use to reduce their vulnerability. These include communication with the “close” and “distant” circles of people who are aware of woman’s participation in the surrogate

motherhood programme; specifying a child's status and the surrogate mother's place in the child's birth; perception of the biological parents and the type of communication with them. The study of this sphere of social interactions helps to develop a language for discussing various methods of reproductive technologies that is beneficial for the programme participants. In conversation with an interviewer women demonstrate good self-control and a skilful distribution of limited resources and control over their own emotional sphere; they emphasise the businesslike nature of their relations with the biological parents. The article discusses those cases when the behavioural strategies and narrative modes of surrogate mothers are determined by their negative social expectations of themselves or their children. The article pays special attention to the way participants in fast-developing medical practices adapt to the intolerant environment and change it gradually. In general, the surrogate motherhood case, despite its ethical vulnerability, is an opportunity to achieve a new level of "autobiographical competence", which is an exceptional experience that makes such women unique.

Key words: surrogacy, interview, autobiography, vulnerability, frames, scenario.

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-01035 <<https://rscf.ru/project/23-28-01035/>>.

To cite: Gramatchikova N., Polyakova I., "Sam-to ne znaesh, kak k etomu odnositsya": freymy, syuzhety i stsenarii avtobiograficheskikh narrativov surrogatnykh materey' ["You Yourself Don't Know How to Feel about It": Frames, Plots and Scenarios of Surrogate Mothers' Autobiographical Narratives], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 64, pp. 227–247.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-227-247

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/064/gramatchikova_polyakova.pdf

Наталья Граматчикова, Ирина Полякова

«Сам-то не знаешь, как к этому относиться»: фреймы, сюжеты и сценарии автобиографических нарративов суррогатных матерей

Статья построена на материалах восьми интервью с суррогатными матерями (12 детей, рожденных по программе суррогатного материнства), полученных авторами в 2023 г. Качественный анализ интервью позволяет проследить места смены фреймов, а также активную роль информанток во фреймировании собственной жизненной ситуации. Задачи статьи состоят в том, чтобы описать основной репертуар автобиографических сюжетов, в которые вписывается личный опыт суррогатного материнства, а также выявить наиболее чувствительные темы и те средства, которыми пользуются суррогатные матери в нарративах, чтобы снизить собственную уязвимость. К таким темам относятся общение с «ближним» и «дальним» кругами посвященных, определение принадлежности рожденного ребенка и своего места в его появлении на свет, восприятие биологических родителей и характер общения с ними. Изучение этой сферы социальных взаимодействий помогает формированию дискурса, посвященного разнообразным методам репродуктивных технологий. В нем, по нашим наблюдениям, заинтересованы участники подобных программ. В разговоре с интервьюером женщины демонстрируют хорошее владение собой и умелое распределение ограниченных ресурсов, подчеркивают деловой характер отношений с биологическими родителями, контроль над собственной эмоциональной сферой. Особый интерес представляет то, каким образом участники развивающихся медицинских практик адаптируются к нетолерантности среды и постепенно меняют ее. В целом же при всей своей этической уязвимости ситуация суррогатного материнства представляет возможность выйти на новый уровень «автобиографической компетентности» — это опыт, доступный немногим, и он заведомо наделяет своего носителя чертами исключительности.

Ключевые слова: суррогатное материнство, интервью, автобиография, уязвимость, фреймы, сценарий.

Введение, материал и методы исследования

Суррогатное материнство — не только перспективная технология вспомогательной репродукции, но и важная дискурсивная метка в любых разговорах о вспомогательных репродуктивных технологиях и биополитике в целом. Женщина, выносившая и отдававшая «чужим людям» «своего ребенка», а нередко и двойню, — фигура амбивалентная в смысле полноты дара («готовый ребенок», не яйцеклетка, не сперматозоид, не эмбрион) и дискредитации представлений о «врожденной» материнской любви, провокативная и уязвимая в своей телесной (ведь беременность сложно скрыть) коммерческой явленности.

Материалами исследования стали восемь глубинных полуструктурированных интервью с женщинами, имеющими опыт суррогатного материнства. Возраст суррогатных матерей составлял от 26 до 34 лет. У шести женщин высшее образование, у одной —

Наталья Борисовна Граматчикова

Центр истории литературы
Института истории
и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
n.gramatchikova@gmail.com

Ирина Геннадьевна Полякова

Уральский межрегиональный
институт общественных наук
Уральского федерального
университета им. Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
irinapolykova@yandex.ru

среднее специальное и еще у одной — среднее. Половина из них находятся в разводе (4 из 8), две состоят в браке, одна — в гражданском браке, одна — вдова (потеряла мужа в январе 2023 г., будучи беременной в программе суррогатного материнства). У пятерых из них двое собственных детей, у двоих — трое, у одной женщины — один ребенок. Профессиональный ряд очень разнообразен: помощник пекаря, фельдшер, флорист, агроном, продавец, специалист по инвестициям в недвижимость, охранник на заводе, преподаватель в колледже. Только одна информантка (та, которая занимается недвижимостью) самостоятельно определила свой доход как средний, все остальные говорили о собственной финансовой ситуации как непростой. Программа суррогатного материнства была призвана решить конкретную задачу: «Я оказалась в глубоком минусе по деньгам. Пыталась выйти из него» (СМ1); «Я не согласилась вынашивать ребенка за меньшую сумму. Мне нужна была конкретная сумма, чтобы выплатить долги: ипотеку и кредит за машину» (СМ7).

Отдельно отметим опыт суррогатного материнства. Восемь наших информанток в разное время родили в совокупности 12 детей в программах суррогатного материнства. У пяти женщин есть двукратный опыт суррогатного материнства, у трех — по одному эпизоду, две из них беременны в настоящее время. У каждой женщины свой сложный путь в суррогатном материнстве, некоторые имеют опыт нескольких неудачных переносов эмбрионов, прежде чем удалось получить беременность. Две вынуждены были сделать аборт — одна по медицинским показаниям, вторая по настоянию биородителей, у которых возникли финансовые проблемы, и они отказались от услуг суррогатной матери (СМ5, СМ7). Три столкнулись с осложнениями для здоровья после программы (СМ1, СМ3, СМ4). Три женщины выбирали только анонимные программы через специализированное агентство, остальные пять допускали различные варианты: знакомство и взаимодействие с биородителями до начала программы, взаимодействие на всем протяжении беременности и прямая договоренность либо договор через агентство на различных условиях — знакомство на родах, после родов, полная анонимность.

Основная рамка собеседования задана желанием получить развернутые ответы, из которых можно составить представление об истории женского репродуктивного здоровья, основных практиках совладающего поведения у респонденток, сочетании мотивов данной деятельности, особенностях реакции суррогатных матерей на сложные жизненные ситуации. Во время собеседования интервьюер задает вопросы о прошлом и настоящем донора, ответы на которые дают исследователю воз-

можность прикоснуться к ценностному миру собеседниц. Из их высказываний о детях, семье и самих себе можно составить представление о том, как человек выстраивает то, что в прагматике именуется трудовой (здесь — репродуктивной) биографией, а в экзистенциальном смысле — судьбой¹. В.Б. Голофаст писал о связи обыденного и биографического сознания в автобиографических нарративах: «Суть биографии как повествования о жизни вводит обобщенный, интегральный образ “Я”, хотя бы пунктиром намечает идентичность человека в целом и выводит сознание, мышление на особый временной горизонт — в макровремя человеческой жизни. Здесь возникает зыбкий, может быть, неожиданный или даже пугающий смысл таких слов, как жизнь, судьба, счастье, жизненный путь, событие, случай...» [Голофаст 1995].

Гайд интервью открывается блоком вопросов, касающихся родительской семьи и отношений в ней, семейного положения самой женщины, опыта беременности и родов, мотивов ее участия в программах суррогатного материнства, степени удовлетворенности полученными результатами и опытом и др. Интервьюер обращает внимание на круг информированных об этом эпизоде лиц, на то, как женщина воспринимает биородителей ребенка, как отвечает на вопрос «Чей это ребенок?» Таким образом, собеседование можно представить как чередование фреймов, задающих рамки рассмотрения тех или иных аспектов суррогатного материнства и репродуктивной истории женщины, а текст расшифровки дает возможность обнаружить места смены фреймов.

Теория фреймов позволяет увидеть, какие способы стереотипизации востребованы в восприятии суррогатного материнства, т.е. того, что кажется далеким от повседневной рутины. Фрейм соединяет в себе оценку ситуации, ее предполагаемое развитие и возможные действия, если ожидания не подтвердятся [Минский 1979: 7–9]. В. Вахштайн², отмечая вклад И. Гофмана в теорию фреймов, подчеркивал его указание на объективно-субъективную природу фреймов. В этом термине соединяется способность индивида распознавать социальные ситуации и возможность изучать эти структуры. Фрейм одновременно является и объективно заданной матрицей событий и расстановки ролей, и субъективной схемой ее интерпретации [Вахштайн 2011: 89–90].

¹ И. Копытофф пишет о множественности биографий человека, в каждой из которых учитываются определенные аспекты жизни, а прочие отбрасываются [Копытофф 2006: 138]. Так и в интервью — другой «биографический вектор» уводит нас из экзистенциального в сферу экономического.

² Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

Фрейм-анализ дает возможность наблюдения над тем, как при столкновении с необычным в ответе на вопрос «Что здесь происходит?» открывается возможность дальнейших (коллективных) действий. Ситуация суррогатного материнства в этом отношении представляет собой отличный материал для изучения: даже если ситуации позиционируются как знакомые и ожидаемые, «это вовсе не означает, что вопрос об их смысле не задается — ответ на него всегда имплицитно присутствует в действии, человек дает его самому себе (а иногда и остальным). Мы имплицитным образом говорим себе: “Здесь нет ничего чрезвычайного или нестандартного; продолжаем действовать как обычно”» [Яноу, ван Хульст 2011: 93–94]. Таким образом, анализ интервью суррогатных матерей через призму фреймирования и анализа сюжетов и сценариев повествования не только дает понимание нынешней ситуации, но и имеет прогностический потенциал, заключенный в отборе и внутренней логике организации автобиографических сюжетов.

Вопросы интервьюера и описанные «мысленные эксперименты» предлагают информантам определенные фреймы осмысления ситуации, которые они принимают, отвергают либо подменяют своими. Ситуация принятого решения об участии в программе суррогатного материнства фреймируется самими героинями с учетом разномасштабных сообществ, в которые они входят, одновременно согласовываясь с прошлым опытом и раскрывая спектр возможных в будущем действий. Социальная и дискурсивная проекции ситуации суррогатного материнства полны неопределенностей ролевых моделей, умолчаний, отложенных решений, что позволяет наблюдать динамику коммуникативной ситуации во время интервьюирования. Культурные императивы, т.е. безусловные долженствования, действие которых в отечественных практиках материнства изучают С.Б. Адоньева [Адоньева 2009], Т.Б. Щепанская [Щепанская 1999] и другие исследователи, делают неизбежным столкновение каждой из суррогатных матерей с сакрализированным концептом *материнской любви*.

Зарубежные ученые, описывая феномен коммерческого суррогатного материнства, нередко применяют термин «труд», апеллируя к его эксплуатации [Jacobson 2022; Vertommen, Barbagallo 2022; Hibino 2023], реже — «работа» [Boampong 2023]. По мнению интернациональной исследовательской группы [Smietana et al. 2021], суррогатное материнство в России — это одновременно и работа, и деловой товарообмен. При этом проблемы коммодификации в сфере суррогатного материнства находятся вне фокуса данного эпизода исследования, прежде всего потому, что товаризация тела и отношений не образует узловых моментов нарративов в анализируемых нами транскриптах

(подробнее о коммодификации в ВРТ см.: [Бредникова, Нартова 2007; Бредникова 2008; Бердышева 2012] и др.).

Задачи статьи состоят в том, чтобы описать основной репертуар автобиографических сюжетов, в которые вписывается личный опыт суррогатного материнства, а также выявить наиболее сенситивные темы и те средства, которыми пользуются суррогатные матери в нарративах, чтобы снизить собственную уязвимость. Изучение этой сферы социальных взаимодействий помогает формированию дискурса, посвященного методам репродуктивных технологий, в котором, по нашим наблюдениям, заинтересованы участники подобных программ.

Этическая позиция нашей исследовательской группы солидаризируется с убежденностью некоторых ученых в том, что принятое в академической традиции разделение на ученого и информанта нуждается в коррекции [Голофаст 1995; 2006; Квале 2003; Ellis et al. 2010; Готлиб 2013]. В данном тексте мы можем осуществить ее через искреннюю вовлеченность в проблематику и признание права субъектности женщин в отношении их собственных жизненных выборов, соблюдая принципы объективности, правдивости, тактичной и взвешенной интерпретации¹. При этом мы осознаем неравноправие высказываний информанта и исследователя в отношении доступа к большей публичности, хотя не стоит недооценивать возможности самих респондентов (так, одна из суррогатных матерей ведет страницу с тысячей подписиц, что почти наверняка превысит количество читателей этой статьи).

Сенситивные ситуации: работа с фреймами в смягчении этических противоречий

В первой части интервью, касающейся отношений в родительской семье и текущей ситуации в браке, информантки выстраивают образ женщины, которая научилась справляться с трудностями, имея невысокую ресурсную базу. При этом интервьюер отмечает сниженную амплитуду эмоций. Например, жизнь с пьющей свекровью, не принимающей ребенка от первого брака, на фоне длящихся измен мужа называется «немного тяжеловатыми отношениями» (СМ1), которые продолжают в силу их значимости: «На тот момент я очень сильно любила человека, прямо всем сердцем. Была готова закрыть глаза на всё, на все измены. На хоть что, главное будь рядом» (СМ1). Это свидетельствует не о том, что женщины «малочувствитель-

¹ Об ограничениях исследовательского подхода, неизбежно использующего в своих целях информантов и экспертов, а также о рисках морального ущерба и для исследователя-полевого см.: [Веселкова 2000].

ны», но о том, что они не склонны к драматизации текущих событий, к длительному отыгрыванию ситуаций прошлого, к проективным тревогам. Повествования их в целом строятся в режиме «экономии эмоций»: суррогатные матери предпочитают не оказываться в ситуациях уязвимости и не размышлять об абстрактных вещах.

На каждом этапе программы суррогатного материнства и автобиографического повествования женщины моделируют ситуацию таким образом, чтобы максимально комфортно разместиться в ней (ранняя беременность — «оно и к лучшему», «многие после аборт уже родить не могут»; муж ушел из семьи — «я для себя детей рожала, я так уже решила»; отца в семье нет «вообще у многих, практически у всех детей» (СМ5) и т.д.). При этом есть моменты, на которые женщина может повлиять в «реальной жизни», а есть те, где процессуальное фреймирование повествования снижает ее уязвимость и чувствительность. Рассмотрим основные проблемные ситуации суррогатного материнства, какими они предстают в текстах интервью.

Круг посвященных

Информирование окружающих происходит не просто по модели «узкого круга» (зачастую о проекте знает только супруг / партнер, мать и/или сестра¹), но из этого узкого круга выбывают и те, в чьем неодобрении женщина уверена. Например, отец, отношения с которым формальны², либо — редко — верующая мать³. Остаются те, в чьем принятии женщины уверены абсолютно («они бы все равно потом приняли, я знаю» — СМ1; «у них не было выбора, кроме как принять»; «родители понимали, что программа равна квартире» — СМ4; «С партнером получилось так: я его поставила перед фактом, что буду суррогатной мамой» — СМ2). Такое фреймирование ситуации позволяет создать уверенность, что «никто не был против»⁴.

Между тем для партнеров и мужей участие жены в программе ВРТ в качестве суррогатной матери становится испытанием,

¹ В двух случаях сестры сами либо тоже склоняются к участию в программе, либо уже имеют такой опыт (СМ2, СМ3).

² «[То есть никто не был против?] — Нет. — [Папа?] — Папа не знал и до сих пор не знает» (СМ1).

³ Предположение о негативной и непредсказуемой реакции матери становится для информантки (СМ3) препятствием для того, чтобы открыть ей свое участие в программе.

⁴ Показательный пример — ситуация со свекровью у одной из женщин: «Изначально она была против, потому что не знала, как это происходит, что это что-то страшное. Мы о суррогатстве сказали, когда я только подписала договор. Она говорит: “Иди расписывай его обратно”. Я говорю: “Нет. Я буду должна много денег”. А сейчас она уже спокойна. Я говорю: “Следующие роды — только суррогатство”. Она говорит: “Иди”» (СМ3).

которое не все согласны повторить¹. «Проверяется» не финансовая состоятельность мужа (здесь женщины надеются только на свои силы), но достаточность его вклада в семью и заботу о беременной (не их общим ребенком) жене: «Мне кажется, мы ближе стали в этой программе, я поняла, какое отношение у него ко мне» (СМ1).

Именно в этом месте гайда можно отметить «борьбу фреймов»: интервьюер, следуя логике опросника, предлагает фреймировать ситуацию как болезненную для самолюбия мужа (добытчика) и уязвимую для жены, задавая вопросы о том, почему мужья не возражали против такого вида заработка, используя некоторые намеренно провокативные реплики («Забудь, я заработаю тебе этот миллион») и оценочные суждения: «Он, во-первых, допускает, чтобы вы продавали свое тело. Это ведь так? И допускает, чтобы это были чужие дети. В этом вы не увидели для себя какого-то эмоционального отклика негативного?» (СМ1). Во всех случаях женщины отказываются от подобной интерпретации своей ситуации, реагируя на эти «провокации» со стороны, казалось бы, устоявшегося патриархатного дискурса очень спокойно, из позиции осознанного принятия реалий своей жизни: «Я понимаю, что у него не получится. Он не сможет... Мы изначально с ним разговаривали о том, что по крайней мере на данный момент мы не были готовы к ребенку совместному. Потому что у нас нет своего жилья именно в городе, у него двое детей, у меня двое детей» (СМ1). Суррогатное материнство для них скорее «право природы и пола», нежели последний шанс заработать самой, раз муж не может обеспечить достаток семьи. Таким образом, риторическая конструкция исследователя, озвучивающая принятое в обществе и потенциально сенситивное для информанток распределение ролей, устойчиво десенсибилизируется в интервью.

Дальний круг коллег и знакомых информируют только при уходе в декретный отпуск: «все положительно отнеслись», а также «мнение других людей меня не интересует» (СМ4), а затем поддерживают с ними нормотипичное общение: «Что, как растете? — Хорошо растем. — А где, с кем? — С родителями (что я, незнакомым людям... точнее, малознакомым буду что-то объяснять? Нет)»; «Был один случай, подошла знакомая и говорит: “Ой, тебя можно поздравить? Где лялька-то?” А я говорю: “Нет”. И она, видимо, поняла под “нет”, что я, видимо,

¹ В некоторых случаях, первоначально согласившись с решением жены об участии в программе, пережив этот опыт, партнеры изменили свою точку зрения: «Мы поговорили, и он отреагировал положительно. Сейчас он против того, чтобы я пошла во второй раз. Он говорит: “Сейчас мы не нуждаемся ведь ни в чем, в достатке живем, зачем тебе это?” Я говорю: “Ну, для улучшения положения, дом ведь планируем”, — а он говорит: “Нет, заработаем так”» (СМ2).

потеряла ребенка или что, и после этого она побледнела и говорит: «Извини, я не знала». И ушла» (СМ2).

В нарративах женщин с опытом суррогатного материнства видны разные аспекты фреймирования: и работа по производству значений через организацию прошлого опыта в актуальную «модель мира» для предполагаемых действий, и процедуры отбора и категоризации, именования событий, действий, акторов, составляющих «картину мира» [Василькова, Чангян 2015: 84].

Отношения с биородителями

Выбирая программу суррогатного материнства, женщина может регулировать степень анонимности / открытости к контактам с биородителями, от прямых и открытых до полной анонимности: «Это был договор, что они не знают меня, я их не знаю» (СМ3). Выбор в пользу «работы напрямую» или услуг агентства (по анонимной или неанонимной программе) происходит по прагматическим соображениям или исходя из складывающейся ситуации. Агентство берет комиссию, но и предоставляет гарантии: «Мой выбор — агентства. В этом случае я точно знаю, что получу свои деньги, так как биородители изначально вносят на депозит полную сумму» (СМ4). Впрочем, истории других матерей свидетельствуют, что «агентство чисто сводит и отходит в сторону» (СМ5), не компенсируя риски донора в случае изменения условий у биородителей и их выхода из программы. Именно срыв программы, а не расставание с выношенными детьми вызывает максимум эмоций при рассказе: «меня это так пошатнуло»; «для меня был тогда такой шок»; «это было так дико для меня, что они это сделали»; «Просто хожу и не знаю, что мне делать дальше. Просто в прострации какой-то нахожусь» (СМ5).

В то же время у суррогатных матерей есть некий обобщенный образ биологических родителей, к важным характеристикам которых относятся финансовая состоятельность («была пара такая очень странная, и, кажется, в финансовом плане у них не так много денег» — СМ2), осознанное желание потомства, «трепетное отношение» к будущему ребенку и, как возможное следствие, к суррогатной матери.

Процедура выбора суррогатной матери непрозрачна: «[Я так понимаю, вас выбрала вот эта пара?] Я не знаю, выбрала, не выбрала, мне агентство просто написало, что есть биородители, то есть у нас тоже было много биородителей до этого. С одними я встречалась, ну, потом им, видимо, может, не по деньгам было, они не стали. Потом там была другая какая-то пара. Они сначала думали, потом куда-то пропали» (СМ1), — поэтому ситуация «личного дара» складывается лишь в исключительных

случаях (например, для родственников). Контакты варьируются от периодических поздравлений в переписке / дежурных вопросов врачам клиники до теплых в неанонимной программе: «очень дружеские, мы все еще даже общаемся, они мне фотографии присылают, поздравляют каждый раз со всеми праздниками» (СМ2). Иногда запрос присутствует со стороны суррогатных матерей: «Я попросила только женщину, которой я родила, сообщите мне хоть изредка, как детки. Я не настаиваю на общении, потому что это же чужое, просто я для себя знаю, что у них все в порядке» (СМ5). В большинстве случаев суррогатным матерям достаточно подтверждений «адекватности» биологических родителей / матери: среди указываемых качеств — «спокойная», «обеспеченная», «поболтать любила, все рассказывала»¹.

При слабой регламентированности общения многое зависит от личных качеств суррогатной матери и ее опыта. Так, женщину могут не предупредить о праве выбора одного и двух эмбрионов (СМ1), она может быть не уверена в себе: «Сотрудничать напрямую с биородителями мне страшно. Я плохо разбираюсь в людях и не могу оценить их платежеспособность. Вдруг они окажутся жадными и мне придется выклянчивать у них каждую копейку?» (СМ4), — но суррогатная мать способна устанавливать и собственные правила: «Я в первую очередь узнавала финансовое положение, мне предоставляли выписки из банковских счетов», — при этом понимая, что обязать к таковому она не может, но «такие попались, что предоставили. Я спросила — они предоставили» (СМ2). Контроль за беременностью со стороны биородителей тоже разного уровня — от почти отсутствующего: «Они не контролировали абсолютно. То есть мы созванивались. Я ходила на приемы. Я ей отзванивалась, рассказывала, что вот так и так. Сходила, то сдала, то прописали. Так общались» (СМ1) — до «трепетной заботы»: витамины, продукты, совместные поездки на анализы и присутствие на родах. Забота и знаки внимания со стороны биологических родителей воспринимаются с благодарностью — это выход «за пределы договора» (деньги сверх договора, доплата за двойню, доставка продуктов).

При том что женщины акцентируют деловой характер отношений с биородителями, истории иных, по-человечески теплых отношений описываются как счастливый случай, неповторимая удача. После рождения ребенка / детей общение суррогатной

¹ При разнице в возрасте и социальном положении ситуация материнства, пусть и распределенного, словно уравнивает женщин: об этом говорят, на наш взгляд, замечания об общении на «ты», принятом в женских консультациях и возникающем / продолжающемся между женщинами в специфической ситуации ожидания ребенка.

матери и биородителей какое-то время продолжается с различной степенью интенсивности: от «иногда созваниваемся» до «они мне фотографии присылают, поздравляют каждый раз со всеми праздниками». Суррогатные матери уверяют себя, что таким трудом доставшийся ребенок будет расти в любви и достатке или как минимум чтобы «ему мысли вкладывались правильные», «чтобы давали воспитание нормальное» (СМ8). Их «программирование» исключает сантименты, однако говорить о полном равнодушии к детям, конечно, нельзя: «Я не скажу, что я совсем, полностью никак не отношусь к этим детям, что я их выносила и все, аля-улю. Нет, мне как бы она их показала, сказала: “Вот детки, у нас все хорошо”. И я рада» (СМ5).

Все прочие решения, включая полноту знания ребенка об обстоятельствах своего рождения, суррогатные матери передоверяют биологическим родителям, тем более что в ряде случаев уже во время беременности они чувствуют, что биомаме «хочется пройти этот период и побыстрее закрыть или забыть, как дети появились» (СМ6). Таким образом, сюжеты нашего исследования, связанные с описанием отношений с биородителями, перекликаются с наблюдениями К. Вайс, определившей стадию вынашивания ребенка как «работу отношений» [Weis 2021: 65].

«Чей это ребенок и что же это за мать?»

Связь матери и ребенка видится настолько нерасторжимой и важной, что самым дискуссионным моментом для общества становится момент передачи суррогатной матерью ребенка биологическим (или социальным) родителям и получения вознаграждения. Насколько расставание с выношенным ребенком после родов кульминационно для самих женщин? Какие практики и фреймы они используют, чтобы рассказать об этом опыте? В интервью можно зафиксировать несколько моментов.

Во-первых, их личное отношение к суррогатному материнству (до участия в программе ВРТ). Все женщины утверждают, что до личного опыта они относились к суррогатному материнству как к нормальному возможному решению ситуации бесплодия: «Сейчас много бесплодных пар, кто-то не хочет забирать детей из детского дома, а именно хотят биологически своего ребенка вырастить» (СМ2). Знакомых пар, пытающихся решить проблему бесплодия, у большинства женщин нет; не это становится мотивировкой их участия в программе.

Во-вторых, все женщины утверждают, что ни во время беременности, ни в момент родов у них не возникало соблазна оставить ребенка себе, «смятения чувств» и колебаний в решении: «Оставить детей себе у меня даже мысли не было. Я хочу улучшить свою жизнь, а не навесить на себя лишние проблемы» (СМ2).

Выражение «запрограммировать себя» используется как объясняющая метафора: «Я изначально себя запрограммировала еще до переноса, что это не мои дети» (СМ1). Лишь две из восьми собеседниц упоминали о психологических проблемах суррогатных матерей. Одна из них — автор блога, обладающая наибольшей широтой картины в силу собственного интереса к теме и постоянного чтения комментариев, содержащих отсылки к разнообразному личному опыту, говорит о частой послеродовой депрессии у «сурмам»: «Не знаю, как объяснить, но кажется, что ты упустила что-то важное для себя, что ли... Надо отвлекать себя чем-нибудь, и тогда это быстро пройдет» (СМ4)¹.

Согласившись на интервью, суррогатные матери вынужденно и ретроспективно вглядываются в свои чувства в момент родов и сразу после, предоставляя исследователям важный материал по степени эмоционально-волевого контроля над «врожденным материнским инстинктом»: подчеркивается спокойствие и в момент расставания с детьми («потом вторую забрали, абсолютно спокойно»), и при дальнейших мимолетных встречах: «И после этого когда мы с ней [биоматерью] ходили к юристу, там же в больнице я видела детей. На них смотрела не так, что я их родила, а дети и дети. То есть не было такого, что это мои дети» (СМ1). Иные чувства, не привязанность, имеют больше шансов «просочиться» в нарратив. Таково любопытство: «Они положили ребенка. Они, конечно, накрыли, но я очень любопытный человек. Я раскрыла посмотрела, там за ручку» (СМ1); благодарность биологическим родителям за поддержку во время родов: «Когда вспоминаю, плачу даже, такие моменты классные были» (СМ2); беспокойство в отношении полностью выполненных обязательств: «Они в каких-то трубочках, сначала было такое, все ли с ними в порядке, выполнила ли я все, что могла сделать для этих детей. Оказалось, что это нормально, они там сколько-то неделю лежали, потом их перевели к маме в палату... Никаких чувств к детям я не испытала, вот только лишь бы я выполнила свою работу, свой долг, насколько смогла, что меня совесть не мучает» (СМ6).

Вместо «смятения чувств» от разлуки с ребенком в рассказах суррогатных матерей присутствует акцентированное упоминание привилегий своего положения как «освобожденного»

¹ Другой суррогатной матери решением проблемы видится предварительное психологическое тестирование: «Как говорят, у некоторых приходится с психологом работать, чтобы ребенка отдать, потом. Ну, мне кажется, это изначально надо с людьми проводить, потому что надо понимать, на что ты идешь, если это не твое» (СМ8). Для суррогатных матерей важным считается точное исполнение договора, по которому ребенка забирают сразу после рождения. Тема депрессии всплывает в контексте воспоминания о ситуации, когда суррогатную мать биологические родители попросили позаботиться о детях три дня, и потом она три месяца «не могла прийти в себя» (СМ4).

от неизбежных утомительных хлопот по уходу за новорожденным¹. Это повторяющийся мотив повествований: «Это был, скажем так, интересный опыт... Я... даже когда в роддоме была — у всех дети плачут, а я сплю» (СМ1); «После родов, когда ребенок уходит к биологическим родителям, ты отдыхаешь: не надо ни пеленки менять, ни памперсы, не надо кормить по ночам ребенка, вставать — может, в этом плюс какой-то есть» (СМ2); «По сути, никакого расставания нет. После родов я хочу восстанавливаться и отдыхать, а не слушать круглосуточные вопли» (СМ4). «Восстановление после родов», чаемое матерями и нормализуемое множеством источников как «возвращение к самой себе» [Бредникова 2008: 128], происходит у них гораздо быстрее.

Определение выношенного ребенка — «не мой» — четко просматривается у всех без исключения суррогатных матерей: «Мой ребенок — тот, что получился из моей яйцеклетки и которого я выносила» (СМ4); «Тут полностью ребенок не мой, я только единственное его вынашиваю, почему я должна хвататься за него» (СМ8); «Я считаю, что мать — та, которая воспитывает. Кто выносит, кто как, это нет, у меня был опыт выносить, я же не буду матерью» (СМ3)².

Однако какова в таком случае роль суррогатной матери (согласно ВОЗ, «гестационного носителя») по отношению к ребенку? В некоторых случаях женщинами озвучены развернутые номинации: «Няня до рождения. Я вынашиваю ребенка, постоянно нянчу его там, вынашиваю и отдаю родителям» (СМ2); «Мамой я себя не чувствую... ты как тепличка ходишь до определенного момента» (СМ8); «генетически это вообще не мои дети, я роль инкубатора, грубо говоря, сыграла, помогла им появиться на свет, и все» (СМ6). Заметим, что и для «обычных» матерей метафора «контейнера» или «пристанища» широко используется в массовой литературе для беременных [Бредникова 2008: 124–125].

Суррогатная мать и общество

Суррогатные матери и следуют принятым дискурсивным практикам, и сами участвуют в их формировании с разной степенью

¹ О важности для формирования материнской идентичности именно ухода за младенцем см. также: [Isupova 2020: 66]. Благодарим рецензента за уточнение, позволяющее увидеть разницу между вынашиванием — родами — уходом за новорожденным в первые часы / дни.

² О. Исупова на материалах 2005–2009 гг. писала об отсутствии консенсуса у матерей-реципиентов в отношении того, что именно — гены или вынашивание — в большей степени определяет их материнский статус. Интересно, что количественные данные, ее и зарубежных коллег, свидетельствуют о доминировании тех, для кого важнее факт вынашивания, а не генетическое родство [Isupova 2020: 66].

активности. Парадоксальным образом женщины, погруженные в практические задачи («Вообще в принципе размышлять — это не мое. Сидеть как-то, а вдруг вот так, а вдруг вот так. Нет. Для меня это просто, я об этом не думаю... Мне не интересно, я не хочу об этом думать» — СМ3), оказываются в авангарде социальных изменений. Ведь они вынуждены действовать в обществе, где суррогатное материнство «это не норма. Многие мало знают о суррогатном материнстве и многие думают, что это продажа собственных детей. Это где-то по телевидению официально... в кино вот это есть. И то в кино, бывает, неправду говорят: то, что мама суррогатная себе ребенка оставила или потом с папой этим осталась» (СМ2). Е. Здравомыслова оценивает подобные места нарративов («страшилки») как свидетельство дефицита доверия в сфере, где доверие — условие оказания услуги, усиленное в российском контексте «общим кризисом доверия к социальным институтам, новизной и сложностью контроля коммерческих домашних услуг, ростом преступности и растущим социальным расслоением» [Здравомыслова 2009: 109–110]. Впрочем, диапазон кинематографических моделей вполне коррелирует с различиями в законодательных базах разных страх в отношении суррогатного материнства, оценивающих его то как (безвозмездный) акт помощи бесплодным парам, то как торговлю телом и детьми [Кожевникова 2015: 74].

Сами женщины прекрасно различают разномасштабные сообщества и дозируют информацию в соответствии с представлениями о возможной реакции и, что важно, собственной устойчивости. Так, одна из женщин вспоминает, что во время первой суррогатной беременности она говорила, «что это моя беременность, а потом что произошел несчастный случай. [То есть вы ввали?] Да (смеется). [А почему?] Не знаю, компания большая, а все об этом будут знать, не знаю, на тот момент мне не хотелось, чтобы это обсуждали. Знаете, просто первый раз, когда с этим сталкиваешься, сам-то не знаешь, как к этому относиться, а еще если отрабатывать какие-то чужие возражения, на тот момент мне показалось, что ни к чему это вообще и незачем» (СМ6). В дальнейшем она определила круг, общение с которым упрощается, если не держать все в секрете, и сформулировала критерий, по которому проводит это коммуникативное деление (крайние точки — близкие и «в соцсетях на всю аудиторию»): «Если человек с этим более-менее связан, то я легко об этом рассказываю, потому что не надо долго что-то рассказывать и объяснять, а те люди, которые вообще не в этой теме, это очень энергозатратно, времени много занимает» (СМ6), т.е. важнейшим рубежом становится базовая информированность аудитории.

Заключение

Итак, в интервью суррогатные матери предстают как полноценные участники коммуникации, которые на равных с интервьюером выстраивают фреймирование беседы. Интервьюер, которому по умолчанию принадлежит лидирующая роль в со-беседовании, озвучивает вопросы гайда, выстроенные в рамке определенной гипотезы исследования и, безусловно, несвободные от определенных фреймов, которые проявляют себя в вопросах о предполагаемых реакциях близких / партнеров, о чувствах или их отсутствии по отношению к только что рожденному ребенку и др. При этом информантки, рассказывая о собственном опыте суррогатного материнства, озвучивают и применяемые ими практики фреймирования (информирование близких через успокоительную нормализацию и финансовые выгоды проекта), и сами активно меняют фреймы, используя игнорирование (как в реакциях на вопросы, предполагающие определенную «слабость» их партнеров), направляя реакцию стыда на самих любопытствующих (эпизод с «потерей ребенка» у СМ2), формируя «эмоционально незатратное» окружение информированных о происходящем.

В автобиографические нарративы женщин эпизод суррогатного материнства вписан как нормализованный своей доступностью, отсутствием негативных последствий (в представлении информанток) и подконтрольностью. Суррогатное материнство «изнутри» — это не высшая точка кризиса, не «последняя черта», а продолжение практик, которые женщине давались легко (беременность и роды) и сначала были реализованы для себя, а затем — не как «щедрый дар», а на условиях делового контракта («годы идут, наше здоровье все равно уходит» — СМ8), предполагающего финансовую компенсацию того, что иначе растрачивается впустую. В беседе женщины легко дезавуируют патриархатные модели, предлагаемые интервьюером (по поводу возможной негативной реакции со стороны мужчин-«добытчиков»), — в их мире максимальный вклад в семейные отношения оказывается через поддержку и «непротивление»: «Муж год целый против был, он и сейчас не особо “за”, но в таких ситуациях он на мою сторону встает, он говорит, если тебе нравится, если тебе комфортно, я поддерживаю в любом случае, куда ему деваться-то, пришлось согласиться» (СМ8). Таким образом, исследование выявляет несовпадение сенситивных тем для всех сторон, участвующих в процессе суррогатного материнства: максимум эмоций фиксируется не в тех сюжетах, которые вызывают наибольший общественный интерес (и осуждение). Однако нельзя исключать и то, что суррогатные матери, считывая реакцию общества, «уже заготовили» какие-то ответы на эти распространенные реакции и придерживаются их,

позволяя себе более открыто говорить о других, менее контролируемых чувствах (любопытство, отдых после родов и др.).

Находясь в авангарде социальных изменений, связанных с репродуктивными технологиями, женщины идут по линии наименьшего сопротивления, ранжируя сообщества по степени своего влияния на них. Ближайшему (семейному) окружению они предлагают такие фреймы, как, например, «суррогатство = квартира», не оставляя иных вариантов, кроме как смириться и принять решение, таким образом вербуя себе «сторонников» (среди сестер, например): «Если я себе что-то в голову вбила, я все равно это сделаю, даже если не нравится родителям, пусть ошибусь или буду жалеть, но я все равно это сделаю, хотя бы я попробую, буду знать, а то не попробуешь, не узнаешь» (СМ8). С теми, кто «в теме» (медики, родители-реципиенты, знакомые с опытом длительного бесплодия др.), они достаточно откровенны, не ожидая осуждения. В отношениях с «дальним кругом» предпочитают скрывать факт суррогатного материнства, перенаправляя специфический тип общения с беременными в российской культуре (каждый может дать совет, спросить, какого пола ребенка ждут, кто родился и т.д.) в сторону несбывшихся социальных ожиданий: это своеобразная «сила слабых», когда вопрос о судьбе новорожденного словно «повисает в воздухе», заставляя спрашивающего испытывать замешательство и лишая его самой возможности осуждать родильницу.

«Экономия эмоций» — частично следствие психологического профиля женщин, частично следование «профессиональной этике», как они ее понимают, частично закрытость эмоциональной сферы как защитная подготовительная реакция к тому, чтобы спокойно завершить начатый проект, облегчив свое положение, а не усугубив виной, волнением и др. Уверенность суррогатных матерей в собственной способности контролировать чувства и эмоции отражает и предмет их (неосознанной) гордости тем, насколько легко они преодолевают не только телесные трансформации, но и одну из самых мощных, эмоциональных, поддержанных гормонами связей.

В отношениях с биологическими родителями наблюдается следование «букве договора» в тех случаях, когда это обеспечивает защиту и внутренний комфорт самой суррогатной матери, но выход за пределы формальных отношений скорее приветствуется, особенно тогда, когда он приносит бонусы в виде помощи и дополнительных видов компенсаций (продукты, подарки, деньги и др.). При личном знакомстве суррогатные матери не склонны идеализировать биологических матерей, воспринимая их на равных, оценивая прежде всего общую адекватность и финансовое благополучие, однако их ответы на

вопросы о будущей судьбе ребенка свидетельствуют о том, что образ «настрадавшихся», осознавших ценность детей биологических родителей, которые «дадут ребенку все», облегчает им ситуацию собственного выбора, а также решение передоверить все, что касается будущего выношенного ими ребенка, включая его право знать о собственном происхождении.

В целом же ситуация суррогатного материнства представляет при всей ее этической уязвимости возможность выйти на новый уровень «автобиографической компетентности» — это опыт, доступный немногим, и он заведомо наделяет своего носителя чертами исключительности, если вспомнить слова изучавшего биографии В. Голофаства: «Поразительно, как мало событий включает ординарная биография» [Голофаств 2006: 409]. Эта потенциальная возможность существует, но не реализуется в нарративах наших информанток, всецело сосредоточенных как раз на утверждении «допустимости», «нормальности» переживаемого или пережитого ими опыта, который они склонны трактовать в облегчающей эмоциональный накал логике «рабочего проекта». Тем не менее истории суррогатных матерей и биологических родителей обладают повышенной притягательностью благодаря своей реальности, не-литературности: «Биография как жизнь без литературных украшений притягивает магией возможного на самом деле, для другого, а значит, в опасности или в успехе — и для себя» [Голофаств 2006: 409]. Сейчас значительный пласт этой истории скрыт участницами программы суррогатного материнства от публичного проговаривания, хотя в глубинных интервью звучит и актуальная оценка состояния общества («У нас все осуждается»), и искомая — «И людям хорошо, и нам счастье» (СМ7).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01035 <<https://rscf.ru/project/23-28-01035/>>.

Список сокращений

ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения

ВРТ — вспомогательные репродуктивные технологии

Библиография

Адоньева С.Б. Культурные сюжеты и жизненные сценарии. СПб.: Амфора, 2009. 287 с.

Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 67–85.

- Бредникова О. Два мира — два тела («бестелесная» субъектность эмбриона и «бессубъектная» телесность беременной женщины) // Нартова Н., Омельченко Е. (ред.). В тени тела. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 113–136.
- Бредникова О., Нартова Н. Нарушая молчание: дискриминация женщин в пространстве новых репродуктивных технологий (НРТ) // Здравомыслова О. (ред.). Современная женщина, семья, демография: актуальные исследования. М.: Звенья, 2007. С. 256–280.
- Василькова В.В., Чангян А.А. Фреймирование в политической деятельности: от Майдана к Евромайдану // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 3. С. 80–95.
- Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
- Веселкова Н.В. Об этике исследования // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 109–114.
- Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–88. <<https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/140/140>>.
- Голофаст В.Б. Три слоя биографического повествования // Божков О.Б. (ред.). Социология семьи: статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. С. 407–411.
- Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
- Здравомыслова Е. Няни: коммерциализация заботы // Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.). Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 94–135.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Кожевникова М.С. Люди «из пробирки». Обзор этических проблем, связанных с ВРТ // Юдин Б.Г. (ред.). Рабочие тетради по биоэтике: сб. науч. ст. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2015. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека. С. 66–79.
- Копытофф И. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Вахштайн В. (ред.). Социология вещей: Сб. ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 132–168.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
- Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) // Альбедиль М.Ф., Цыба А.В. (ред.). Астарт. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. Вып. 2: Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ. С. 126–158.
- Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 88–113.
- Boatpong O., Appiah-Boateng S., Yaw Osei N., Ametefe R. Commercial Surrogacy: Invisible Reproductive Workers in Ghana // Global Labour Journal. 2023, May. Vol. 14. No. 2. S. pag. doi: 10.15173/glj.v14i2.5287.

- Ellis C., Adams T.E., Bochner A.P.* Autoethnography: An Overview // Forum: Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2010. Vol. 12. No. 1. Article 10. S. pag.
- Hibino Y.* The Advantages and Disadvantages of Altruistic and Commercial Surrogacy in India // Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine. 2023. Vol. 18. Art. 8. S. pag. doi: 10.1186/s13010-023-00130-y.
- Isupova O.G.* Delegation of Parenthood and Language of Reproduction: Experts and Patients on the Birth of ART-children // Population and Economics. 2020. Vol. 4. No. 4. P. 43–56. doi: 10.3897/popecon.4.e57400.
- Jacobson H.* The ART Clock: Temporal Limits to Assisted Reproduction // Reproductive Biomedicine & Society Online. 2022. Vol. 14. P. 144–155. doi: 10.1016/j.rbms.2021.10.004.
- Smietana M., Rudrappa S., Weis C.* Moral Frameworks of Commercial Surrogacy within the US, India and Russia // Sexual and Reproductive Health Matters. 2021. Vol. 29. No. 1. doi: 10.1080/26410397.2021.1878674.
- Vertommen S., Barbagallo C.* The In/visible Wombs of the Market: The Dialectics of Waged and Unwaged Reproductive Labour in the Global Surrogacy Industry // Review of International Political Economy. 2022. Vol. 29. No. 6. P. 1945–1966. doi: 10.1080/09692290.2020.1866642.
- Weis C.* Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021. 192 p. doi: 10.1108/9781839828966.

“You Yourself Don’t Know How to Feel about It”: Frames, Plots and Scenarios of Surrogate Mothers’ Autobiographical Narratives

Natalya Gramatchikova

Centre for Literary History, Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS
16 S. Kovalevskoy Str., Yekaterinburg, Russia
n.gramatchikova@gmail.com

Irina Polyakova

Ural Centre for Advanced Studies (UCASE), Institute for the Humanities,
Ural Federal University
51 Lenina Ave., Yekaterinburg, Russia
irinapolyakova@yandex.ru

The article is based on material from eight interviews with surrogate mothers (12 children born within the surrogacy programme), received by the authors of the article in 2023. The outline structure

of the interviews includes the family history of the informants, their current marital status, motivation for participation in the surrogacy programme and assessment of the experience gained. An analysis of the interviews helps to define the places where frames shift, as well as the active rôle of the informants in framing their own life situation. The article aims to describe the main repertoire of autobiographical stories that encompass personal experience of surrogate motherhood, and to identify the most sensitive topics and the narrative means that surrogate mothers use to reduce their vulnerability. These include communication with the “close” and “distant” circles of people who are aware of woman’s participation in the surrogate motherhood programme; specifying a child’s status and the surrogate mother’s place in the child’s birth; perception of the biological parents and the type of communication with them. The study of this sphere of social interactions helps to develop a language for discussing various methods of reproductive technologies that is beneficial for the programme participants. In conversation with an interviewer women demonstrate good self-control and a skilful distribution of limited resources and control over their own emotional sphere; they emphasise the businesslike nature of their relations with the biological parents. The article discusses those cases when the behavioural strategies and narrative modes of surrogate mothers are determined by their negative social expectations of themselves or their children. The article pays special attention to the way participants in fast-developing medical practices adapt to the intolerant environment and change it gradually. In general, the surrogate motherhood case, despite its ethical vulnerability, is an opportunity to achieve a new level of “autobiographical competence”, which is an exceptional experience that makes such women unique.

Keywords: surrogacy, interview, autobiography, vulnerability, frames, scenario.

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-01035 <<https://rscf.ru/project/23-28-01035/>>.

References

- Adonyeva S. B., *Kulturnye syuzhety i zhiznennye stsenarii* [Cultural Stories and Life Scenarios]. St Petersburg: Amfora, 2009, 287 pp. (In Russian).
- Berdisheva E. S., ‘Ot kritiki k analitike: kommodifikatsiya zhiznenno vazhnykh blag kak aktualnaya issledovatel'skaya problema v novoy ekonomicheskoy sotsiologii’ [From Criticism to Analysis: The Commodification of Vital Goods as an Urgent Research Problem in the New Economic Sociology], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2012, vol. 13, no. 1, pp. 67–85. (In Russian).

- Boampong O., Appiah-Boateng S., Yaw Osei N., Ametefe R., 'Commercial Surrogacy: Invisible Reproductive Workers in Ghana', *Global Labour Journal*, 2023, vol. 14, no. 2, s. pag. doi: 10.15173/glj.v14i2.5287.
- Brednikova O., 'Dva mira — dva tela ("bestelesnaya" subektnost embriona i "bessubektnaya" telesnost beremennoy zhenshchiny)' [Two Worlds — Two Bodies ("Disembodied" Subjectivity of the Embryo and "Subjectless" Corporeality of the Pregnant Woman)], Nartova N., Omelchenko E. (eds.), *V teni tela* [In the Shadow of the Body]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Press, 2008, pp. 113–136. (In Russian).
- Brednikova O., Nartova N., 'Narushaya molchanie: diskriminatsiya zhenshchin v prostranstve Novykh reproduktivnykh tekhnologiy (NRT)' [Breaking the Silence: Discrimination against Women in the Space of New Reproductive Technologies (NRT)], Zdravomislova O. (ed.), *Sovremennaya zhenshchina, semya, demografiya: aktualnye issledovaniya* [Modern Woman, Family, Demographics: Current Research]. Moscow: Zvenya, 2007, pp. 256–280. (In Russian).
- Ellis C., Adams T. E., Bochner A. P., 'Autoethnography: An Overview', *Forum: Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 2010, vol. 12, no. 1, article 10, s. pag. doi: doi.org/10.17169/fqs-12.1.1589.
- Golofast V. B., 'Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy' [Variety of Biographical Stories], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1995, no. 1, pp. 71–88. (In Russian).
- Golofast V. B., 'Tri sloya biograficheskogo povestvovaniya' [Three Layers of Biographical Narrative], Bozhkov O. B. (ed.), *Sotsiologiya semyi: statyi raznykh let* [Sociology of the Family: Articles from Different Years]. St Petersburg: Aletya, 2006, pp. 407–411. (In Russian).
- Gotlib A. S., 'Analiz narrativov v sotsiologii: vozmozhnosti i problemy ispolzovaniya' [Narrative Analysis in the Field of Sociology: Opportunities and Usage Problems], *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research], 2013, no. 1 (10), pp. 9–14. (In Russian).
- Hibino Y., 'The Advantages and Disadvantages of Altruistic and Commercial Surrogacy in India', *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*, 2023, vol. 18, article 8, s. pag. doi: 10.1186/s13010-023-00130-y.
- Isupova O. G., 'Delegation of Parenthood and Language of Reproduction: Experts and Patients on the Birth of ART-children', *Population and Economics*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 43–56. doi: 10.3897/popecon.4.e57400.
- Jacobson H., 'The ART Clock: Temporal Limits to Assisted Reproduction', *Reproductive Biomedicine & Society Online*, 2022, vol. 14, pp. 144–155. doi: 10.1016/j.rbms.2021.10.004.
- Kopytoff I., 'The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process', Appadurai A. (ed.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986, pp. 64–92.
- Kozhevnikova M. S., 'Lyudi "iz probirki": obzor eticheskikh problem, svyazannykh s VRT' [Humans "from a Test Tube": Review of Ethical Issues Associated with ART], Yudin B. G. (ed.), *Rabochie tetradi po bioetike* [Bioethics Workbooks], is. 20: *Gumanitarnyy analiz biotekhnologicheskikh proektov "uluchsheniya" cheloveka* [Humanitarian Analysis

- of Biotechnological Projects of Human “Improvement”]: A coll. of scientific articles. Moscow: Moscow Humanities University Press, 2015, pp. 66–79. (In Russian).
- Kvale S., *Issledovatel'skoe intervyyu* [Research Interview]. Moscow: Smysl, 2003, 301 pp. (In Russian).
- Minsky M., ‘A Framework for Representing Knowledge’, *MIT-AI Laboratory Memo*, 1974, no. 306, 76 pp.
- Shchepanskaia T. B., ‘Mif materinstva i tekhniki upravleniya (zhenskie simvoly i tekhniki vlasti v russkoy etnicheskoy traditsii)’ [Myth of Motherhood and Techniques of Control (Female Symbols and Techniques of Power in Russian Ethnic Tradition)], Albedil M. F., Tsyba A. V. (eds.), *Astarta* [Astarta], is. 2: *Zhenshchina v strukturakh vlasti arkhaiskikh i traditsionnykh obshchestv* [Women in the Power Structures of Archaic and Traditional Societies]. St Petersburg: St Petersburg State University Press, 1999, pp. 126–158. (In Russian).
- Smietana M., Rudrappa S., Weis C., ‘Moral Frameworks of Commercial Surrogacy within the US, India and Russia’, *Sexual and Reproductive Health Matters*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 377–393.
doi: 10.1080/26410397.2021.1878674.
- Vakhshtayn V., *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of Everyday Life and the Theory of Frames]. St Petersburg: EUSP Press, 2011, 334 pp. (In Russian).
- Vasilkova V. V., Changyan A. A., ‘Freymirovanie v politicheskoy deyatel'nosti: ot Maydana k Evromaydanu’ [Framing in Political Activity: From Maidan to Euromaidan], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, vol. 18, no. 3, pp. 80–95. (In Russian).
- Vertommen S., Barbagallo C., ‘The In/visible Wombs of the Market: The Dialectics of Waged and Unwaged Reproductive Labour in the Global Surrogacy Industry’, *Review of International Political Economy*, 2022, vol. 29, no. 6, pp. 1945–1966. doi: 10.1080/09692290.2020.1866642.
- Veselkova N. V., ‘Ob etike issledovaniya’ [On Research Ethics], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2000, no. 8, pp. 109–114. (In Russian).
- Weis C., *Surrogacy in Russia: An Ethnography of Reproductive Labour, Stratification and Migration*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2021.
doi: 10.1108/9781839828966.
- Yanow D., van Hulst M., ‘Frames of the Political: From Frame Analysis to Analyzing Framing’, *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 10, no. 1–2, pp. 88–113. (In Russian).
- Zdravomyslova E., ‘Nyani: kommertsializatsiya zaboty’ [Babysitters: The Commercialization of Care], Zdravomyslova E., Rotkirkh A., Temkina A. (eds.), *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Life in Modern Russia: Gender Studies of Everyday Life]. St Petersburg: EUSP Press, 2009, pp. 94–135. (In Russian).